

Обзорная статья
УДК 811.512.3
DOI 10.18101/2686-7095-2026-1-42-52

ИСХОДНЫЕ ЕДИНИЦЫ ПРИ РЕДУПЛИКАЦИИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

© **Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна**

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
ch.gunsema@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются различные типы редупликации в монгольских языках в зависимости от единицы языкового уровня, представляющей повторяемый сегмент. Основная цель статьи — рассмотреть особенности образования редуплицированных форм в терминах морфологического уровня языка. Научная новизна заключается в анализе внутреннего строения редуплицированных слов в монгольских языках. Проведенное исследование позволило выделить сегменты, которые подвергаются удвоению, и тем самым понять материальную базу возникновения этого вида грамматической трансформации слова в монгольских языках. В работе рассматриваются следующие типы редупликации: фонемный, слоговой, морфемный и лексемный. В результате исследования установлено, что механизм редупликации в монгольских языках не имеет единой формы реализации и характеризуется многообразием вариантов, число которых зависит от фонемного состава исходной единицы.

Ключевые слова: монгольские языки, редупликация, повторяемый сегмент, фонема, эмфатическая долгота, слог, морфема.

Для цитирования

Чимитдоржиева Г. Н. Исходные единицы при редупликации в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2026. Вып. 1. С. 42–52.

Введение

Редупликация является одной из языковых универсалий. Изучение структурных особенностей данного приема образования слов сводится в основном к оппозиции «полная» — «частичная», «точная» — «неточная». Однако не так часто уровень редуплицированного сегмента становится предметом отдельного изучения. Несмотря на тот факт, что структурная организация редупликации во многом зависит от принадлежности языка к тому или иному морфологическому строю, *актуальным* является изучение типов редупликации в зависимости от сегмента, который подвергается механизму редуплицирования. Поэтому *целью* статьи является выявление особенностей образования редуплицированных форм в монгольских языках в соответствии с уровневой организацией языка. *Материалом* для исследования послужили лексикографические и научные труды по монгольским языкам. В статье предлагается к обсуждению наш взгляд на фонемный состав основы слова и фонемный состав редуплицированной формы путем анализа удвоенных форм, а также осмысления и систематизации ряда лингвистических работ, касающихся темы редупликации в монгольских языках.

В монгольских языках удвоенный при редупликации сегмент (исходная единица) соотносится с разными языковыми единицами. В качестве повторяемого сегмента выступают слог, морфема, словоформа. В зависимости от того, какая часть исходного слова подвергается удвоению, выделяются следующие типы редупликаций: слоговой, морфемный и лексемный. Однако полагаться на простоту описания механизма удвоения не приходится, поскольку однозначное определение конкретных примеров к тому или иному типу не всегда возможно: морфема может совпадать и со слогом, и со словом. Практически не рассматривается повтор фонемы или фонемная редупликация, за исключением работы Н. Н. Поппе (1938), где отмечается повтор с эмфатической долготой.

Результаты и дискуссия

Эмфатические формы. Для полноты освещения этого языкового явления нами затрагивается дискуссионный вопрос о повторе одной фонемы, по крайней мере, в отношении монгольских языков. Часто такой повтор не выделяется в отдельный тип, поскольку в традиционной лингвистике считалось, что редуплицироваться могут слог, корень или слово. В своем исследовании Ф. И. Рожанский доказывает состоятельность фонемного типа редупликации, считая, что удлинение гласных и геминация согласных, выходя за рамки чистой фонетики, становятся показателем грамматического значения, содержащего количественное изменение [32, с. 18–21, 135–140]. Примерами в монгольских языках могут служить увеличение длины гласной (бур. *удаан ябаа* ‘долго шел’ — бур. *уда-а-а-н ябаа* ‘до-о-о-лго шел’ — *уда-а-а-н-удаан ябаа* ‘до-о-о-лго-долго шел’) и геминация согласных (бур. *ар-р-р* ‘рычание’). Квантитативная семантика в обоих случаях очевидна. В первом случае три примера отражают различные оттенки одного смысла — просто констатация факта, что ‘долго шел’, далее — более эмоциональное выражение этого факта в значении ‘очень долго шел’ и, наконец, очень экспрессивная реализация этого действия в значении ‘ну, очень-очень долго шел’. В последнем примере с удлинением гласной экспрессия усиливается еще полной редупликацией. В монголоведении подобную долготу гласной исследователи определяют как эмфатическую. Во втором случае, где имеется геминация согласных, содержится значение длительности, выражающее не рык, а именно рычание.

Изменение длительности гласных и согласных относится к просодическим средствам выражения эмфазы, которая направлена прежде всего на выражение эмоционального отношения. К целям эмфазы близки и цели экспрессивности — усиливает выразительность высказывания при передаче эмоций, мысли [12, с. 57–58].

Впервые на этот факт повтора с эмфатической долготой в монгольском языкознании обратил внимание Н. Н. Поппе в «Грамматике бурят-монгольского языка»: *tendee mende* ‘здравствуйте-здравствуйте!’, *jabaa jaba* ‘иди же, иди!’, *terē terē* ‘вот тот, вот там’ [27, с. 33, 108]. В этих примерах — полная редупликация, где наблюдается эмфатическое удлинение гласной конечного слога. Примеры иллюстрируют структурную особенность такого повтора с удлинением гласной, где из двух частей в первом компоненте гласная, как правило, последнего слога интонационно передается дольше. Графически такая эмфатическая долгота передается повтором фонемы через дефис.

По мнению Е. А. Кузьменкова основным фонологическим средством выделения в монгольском языке служит удлинение гласного в слове, как правило, в последнем слоге или в конце: *тэр* 'тот' — *тэрээ* 'тот самый, именно тот', *нөхөр* 'товарищ' — *нөхө-ө-өр* ~ *нөхрөө* 'эй, товарищ', *байсан* 'был' — *байса-а-ан* 'был-таки', *тэгэх* 'делать так, таким образом' — *тэгнээ тэгнэ* 'так-так' и т.д. [23, с. 25–27, 55].

Д. Д. Амоголонов в числе аналитических способов выражения в бурятском языке превосходной степени отмечает внутреннюю флексию, которая превращает краткие гласные вторых, последних слогов слова в долгие: *үндэр* 'высокий' — *үндыр* или *үндүүр* 'очень высокий', *ехэ* 'большой' — *ехы* 'очень большой' [1, с. 159].

Приведем еще несколько примеров: *гүг гүүг* (*звукподр. кукованию кукушки*) 'ку-ку' [9, с. 493]; *тэрүү тэрэ* 'вон тот', *тэрүү тэдэ* 'вон те', *тэрүү тэрээхэн* 'вон тот самый', *тэрүү тэндэ* 'вон там, вон туда', где *тэрүү* 'вон тот' является эмфазой от *тэрэ* 'тот, та, то' [11, с. 280]; *муух-х-хай гоё* 'страшно красиво', *утуу-у* (или *уты-ы*) *даа* 'длиннейший', *хунгы-ын* (или *хунгүү-үн*) *даа* 'ле-о-гонький' [46, с. 127].

Тем не менее тот же самый Ф. И. Рожанский резюмирует, что вопрос о правильной интерпретации удлинения фонем (фонемная редупликация или морфонологически обусловленное количественное изменение) остается открытым [32, с. 37].

Слоговая редупликация в монгольских языках предполагает удвоение слога знаменательного слова. Эта редупликация является неполной, препозитивной (или регрессивной, левой) — располагается перед тем словом, к которому эта операция применяется. Примерами данного типа редупликации является удвоение в препозиции начального слога с присоединением:

1) согласного *b* (х.-м., калм. *в*, бур., калм. *б*), например: п.-мо. *ᠰab ᠰaγan*, х.-м. *цав цагаан*, калм. *цаб цаһан*, бур. *саб сагаан* 'совершенно белый, чрезвычайно белый, белейший, белый-пребелый'; п.-мо. *ub ulaγan*, х.-м. *ув улаан*, бур. *уб улаан*, калм. *уб улан* 'совершенно красный, багровый'; п.-мо. *geb gente*, х.-м. *гэв гэнэт*, бур. *гэб гэнтэ*, калм. *гев-генткн* 'совершенно неожиданно, сверх ожидания, вдруг, как снег на голову'; п.-мо. *ᠰib ᠰine*, х.-м. *шив шинэ*, бур. *шэб шэнэ*, калм. *шиб шин* 'совершенно новый'; п.-мо. *qab qarantqi*, х.-м. *хав харанхуй*, бур. *хаб харанхы* 'тьма-тьмущая, тьма крошечная, темень, полная темнота', калм. *хаб харңу* 'очень темный' и т. д.

2) форманта *-pa³*, *-la³* (встречается только в бурятском языке), например: *бара бамбагар* 'пухлый-препухлый, сильно лохматый', *моромонсогор* 'круглый-прекруглый, совсем круглый', *бала балбагар* 'пухлый-препухлый', *дала далбагар* 'очень широкополый', *бүлэ бүлсэгэр* 'очень пухлый' и т. д.

Таким образом, формообразование данного типа редупликации выглядит как *Vb*, *Vra*, *Vla* (если слово начинается на гласный) либо *CVb*, *CVra*, *CVla* (если слово начинается на согласный) и исходное прилагательное. Такой формальный показатель превосходной степени качества исследователи называют препозитивный повтор [26, с. 38], частица-усилитель префиксоидного типа [6, с. 24], препозитивный повтор, префикс (или предлог) с переменным морфонемным составом ('префикс-хамелеон') [22, с. 112], символическое удвоение первого слога [43, с. 142].

При изучении монгольских языков внимание исследователей всегда привлекали подобные примеры. В ранних грамматиках продублированный первый слог

имени с добавленным к нему звуком *b* в препозиции упоминали как способ выражения усиления качества [14, с. 87; 16, с. 22; 17, с. 38], рассматривали как особую частицу или префикс [8, с. 65; 21, с. 61–62; 24, с. 58; 28, с. 145; 33, с. 68], как повтор — синоним редупликации [5, с. 21, 23, 26; 26, с. 38, 56]. Большинство же исследователей данный тип определяют как редупликацию, удвоение. Более того, многие из них придерживаются мнения (без особых объяснений), что из числа всех видов удвоенных форм именно этот тип является редупликацией, а не повтором или чем-то иным [1, с. 99, 159, 231; 3, с. 54; 4, с. 70; 6, с. 26–27; 7, с. 16–17, 22, 26–27; 13, с. 107; 15, с. 135–136; 18, с. 42–43; 22, с. 112; 27, с. 72; 29, с. 79, 87; 30, с. 219; 31, с. 218; 34, с. 40, 43; 35, с. 49–50; 36, с. 38; 37, с. 84; 38, с. 51; 39, с. 25; 40, с. 34; 41, с. 32–33; 42, с. 250; 43, с. 142; 44, с. 182–184; 45, с. 137, 145; 46, с. 126–127; 48].

Исследователь монгольских языков Китая Б. Х. Тодаева обнаружила интересные примеры частичной редупликации, когда прилагательному в полной форме предшествует редуплицированный первый слог этого прилагательного:

1) с наращением не только *b* (*в*), но и согласных *л* или *м*: *көв көгин* ‘старый-престарый’ [40, с. 34], *чим чигән илгә* ‘белые-пребелые цветы’ [38, с. 51];

2) без наращенных этих согласных, что не характерно для многих монгольских языков, например, в дунсянском: *кара* ‘черный’ — *ка кара* ‘черный-пречерный’, *чыган* ‘белый’ — *чы чыган* ‘белый-пребелый’, *ногон* ‘зеленый’ — *но ногон* ‘зеленый-презеленый’ [39, с. 25] и дагурском: *га гасун* ‘горький-прегорький’, *ши шилан* ‘синий-пресиний’, *ку куйтэн* ‘холодный-прехолодный’ [38, с. 51];

3) с морфонологическими изменениями в виде вставки интерфикса *ну* после первого слога основы и присоединения к знаменательному слову аффикса *-ган*: *хулан* ‘красный’ — *хунулаган* ‘красный-прекрасный’, *шыра* ‘желтый’ — *шыпураган* ‘желтый-прежелтый’ [39, с. 25]. Похожий пример осложненного способа удвоения в хакасском языке приводит Ф. И. Рожанский: *ах* ‘белый’ — *аррауҕас* ‘белый-пребелый’, *көк* — *көрреҕес* ‘ярко-синий’ [32, с. 202–204].

Данный тип редупликации Б. Х. Тодаева не обнаружила в баоаньском языке [36, с. 38]. Подобное удвоение первого слога без наращенной согласной отмечается и в калмыцком языке: *ца-цаһан* ‘белый-пребелый’ [44, с. 183].

Т. А. Бертагаев отмечает, что такие примеры частичной редупликации, как *улаан* ‘красный’ — *уб улаан* ‘совсем красный’, *барбагар* ‘лохматый’ — *бара барбагар* ‘совсем лохматый’, напоминают префиксы. Автор не дает пояснений, почему он различает среди них корни-редупликаты (монг. *тэв тэвхэр* ‘квадратный-преквадратный’, *шов шовхгор* ‘преостроконечный’, бур. *ара арнагар* ‘пренесуразный; курносый-прекурносый’, *дэрэ дэрхэгэр* ‘торчащий-преторчащий’ и т. д.) и слоги-редупликаты (начальный открытый слог слова с добавленным к нему согласным: монг. *ув улаан*, *шав шар*, *эв эрэн*, *аб алаг* и т. д.). Ученый отмечает, что эти редупликаты связаны только с тем словом, из которого они выделились. У них отсутствует какое-либо лексическое значение, их значение грамматикализовано полностью [6, с. 26–27; 7, с. 17, 22, 24–27].

Т. А. Бертагаев зафиксировал в западных бурятских диалектах лексикализацию некоторых редуплицированных сочетаний прилагательных, обозначающих белый, черный и желтый цвета, с их начальным слогом *CV+b*: *хапхар*, *хабхар* ‘смуглый, темный’ < *хаб хара* ‘черный-пречерный’, *сапсагаан*, *сабсагаан* ‘светлый,

бледный (о лице) < *саб сагаан* ‘белый-пребелый’, *шапшар, шабшар* ‘блондин, русский, светло-русый’ < *шаб шара* ‘совсем желтый’ [5, с. 23; 6, с. 27; 7, с. 26–27].

Помимо смычной согласной *b* при удвоении к начальному слогу в редких случаях примыкают и другие согласные *d, s, g*, например: бур. *боро* ‘серый’ — *бод боро* ‘совершенно серый’; *малаан* ‘лысый, плешивый’ — *мад малаан* ‘совсем лысый’ [7, с. 16–17]; *чиг чимээгүй* ‘безмолвный’ [20, с. 315]; *бүд бүтүү* ‘просто так’ [2, с. 68]. Интересен пример с усилительной частицей *түг* в сочетании с *түмэн* ‘десять тысяч’ — х.-м., бур. *түг түмэн* ‘несметная тьма, тьма-тьмущая; тысячи и тысячи, миллионы, сотни тысяч; очень много; бесчисленный, множество’ [10, с. 265, 270; 11, с. 263, 267].

В самостоятельную категорию выделяет редупликацию первого слога с согласными *-p, -b, -s, -m, -r* на конце Г. И. Рамстедт: тюрк. *qар qара*, монг. *qаб qара* ‘угольно-черный’ (< *qара* ‘черный’); монг. *bas batu* ‘крепчайший’ (< *batu* ‘крепкий’), калм. *bim bitü* ‘накрепко запертый’ (< *bitü* ‘замкнутый’); тур. *ter temiz* ‘совершенно чистый’ (< *temiz* ‘чистый’) [30, с. 219].

Во многих работах встречается справедливое утверждение, что посредством редупликации начального слога с губным *b* главным образом образуется форма интенсификации прилагательных, обозначающих цветовые признаки, формы превосходной степени качественных имен прилагательных и наречий. Однако не всеми отмечается, что данный способ выражения усиления признака применим не ко всем качественным прилагательным [13, с. 107; 46, с. 126–127].

Что касается удвоенных форм с формантами *-ра* и *-ла*, такой тип редуплицирования характерен для бурятского языка и, как правило, такое удвоение присуще образным прилагательным. Ц. Б. Цыдендамбаев считает, что кинемато-образительные адъективы «при редупликации употребляются с аморфными ... корнями, представляющими собой два открытых слога: *дара дарбагар* ‘сильно оттопыренный (например, об ушах), очень широкий и длинный (например, о флаге)’ (ср. редупликацию *дара* и первичную основу *дар-ба-дар-ба*); *мара марнагар* ‘слишком большой и мясистый (о носе)’ (ср. *мара* и *мар-на-мар-на*); *ура уршагар* ‘сильно морщинистый, чересчур сморщенный’ (ср. *ура* и *ур-ша-ур-ша*)» [45, с. 138].

Н. М. Митупова в статье, посвященной препозитивным усилителям имен прилагательных в хоринском диалекте бурятского языка, приводит примеры повторения первого слога (*оро орбогор* ‘лохматый-прелохматый’; *бэрэ бэржэгэр* ‘очень неровный’; *тара тархагар* ‘низенький-пренизенький’; *үрэ үрзэгэр* ‘сильно взлохмаченный’; *бала балбагар* ‘пухлый-препухлый’) и не находит объяснения появлению слога *-ра* вместо согласных *б, г, м, н*, имеющих место в основе главного компонента (*тэрэ тэбхэр* ‘очень угловатый’, *бара бамбагар* ‘пухлый-препухлый’, *горо гонзогор* ‘сильно продолговатый’ и т. д.). Автор полагает, что такие редупликации, как *саб*, в сочетании *саб сагаан* ‘белый-пребелый’ и *зара* — *зара затагар* ‘грязный-прегрязный’ превратились в служебные элементы [25, с. 87].

Свое пояснение применению того или иного форманта при этих видах слоговой редупликации предлагает Д. Д. Амоголонов. Копия начального открытого слога прилагательного, обозначающего цвет предмета, принимает звук *б* и оказывается закрытым перед последующим основным компонентом редуплицированной формы (*ногоон* ‘зеленый’ и *ноб ногоон* ‘зеленый-презеленый’); копия начального слога прилагательного, обозначающего форму и размер предмета, принимает звук

p с последующим гласным *a*, *э*, *o* в зависимости от гласной слога, к которой он прикрепляется, делая его двусложным (бур. *зара зантагар* ‘имеющий чрезмерно большую голову’, *бэрэ бэлтэгэр* ‘совсем выпученный’, *горо гохигор* ‘совсем изогнутый, сильно сгорбившийся’) [1, с. 159]. Отметим, что предложенная закономерность в примерах типа *ноб ногоон* встречается не только в прилагательных с цветовой семантикой, но и с другими значениями, например: бур. *аб адли* ‘совершенно похожий’; *гэб гэнтэ* ‘совершенно неожиданно’; *зэб зэрлиг* ‘совершенно дикий’; *хүб хүйтэн* ‘холодный-прехолодный’; *сэб сэхэ* ‘совершенно прямо’ и др. Есть еще исключение, которое проявляется в бурятском языке при редупликации оттенка ‘серый, сизый, сивый (о масти)’: бур. *боро* — *бод боро* ‘совершенно серый’; ср. х.-м. *бор* — *бов бор* ‘совершенно смуглый, совсем серый’, калм. *бор* — *бов бор* ‘совсем серый, совершенно сивый (о масти)’.

Л. Д. Шагдаров выделяет редупликацию первого слога изобразительных прилагательных с наращением слога *-ра* для передачи высшей степени качества: *ара арбагар* ‘косматый-прекосматый’; *тэрэ тэбхэр* ‘совершенно квадратный’; *горо гонзогор* ‘очень продолговатый’; *нира нилсагар* ‘совершенно приплюснутый’ [46, с. 126–127].

В бурятском языке встречаются также примеры полного удвоения основы, схожие с примерами слоговой (частичной) редупликации: бур. *шодо шодогор* ‘самый острый’; *гозо гозогор* ‘самый вытянутый’; *хаби хабигар* ‘худой как щепка, худущий’. В БРС указывается, что *шодо* является усилительной частицей к словам с начальным слогом *шо-*, *хаби* также выступает в качестве усилительной частицы к словам с начальным *хаби-*. На наш взгляд, в этих редуплицированных формах удвоенной является образная основа, где второй компонент — образное прилагательное с аффиксом *-гар*. Ц. Б. Цыдендамбаев пишет также о том, что второй компонент удвоенных звукоподражательных слов может принимать уменьшительный аффикс *-хан* для выражения незначительности или недостаточности изображаемого звука, например: *нир-нир* (звук довольно сильной дроби) и *нир-нирхэн* (звук частой сравнительно слабой дроби) [45, с. 145].

Интересное предположение выдвинул Т. А. Бертагаев по поводу антропонима *Тэб Тэнгри* ‘небо’ (‘небо из небес, истинное небо’) — прозвища монгольского шамана, который поддерживал Тэмуджина и провозгласил его Чингисханом. Повтор первого слога основы является показателем степени и имеет то же значение, что и русские префиксы ‘пре-, наи-’ и т. д. [5, с. 26]. Позднее П. Пеллио приходит к схожему объяснению, возражая мнению Б. Я. Владимирцова, считавшего *teb* близким к *töb* ‘центр, середина’ и потому переводившего прозвище *Teb-tngri* как ‘середина Неба’, ‘правое Небо’. П. Пеллио считал, что *Teb-tngri* значит ‘очень божественный’: это форма интенсива к слову *tngri*, подобно тому как эта форма проявляется в монгольских примерах *qab-qara*, *čab-čayān*, *ab-ari’un*, *gäb-gägān*, которые он приводит со ссылкой на работы Б. Я. Владимирцова, А. Бобровникова, Г. Ц. Цыбикова [49, с. 180–184].

Таким образом, употребление слов с их усеченными первыми слогами в препозиции рассматривается как редупликация. Этот способ в большей мере присущ именам прилагательным (цвет, признак, качество, образ) и наречиям. Примеров с повтором большего числа слогов в монгольских языках мы не обнаружили. Общим для монгольских языков является удвоение в препозиции начального слога

(C)V с присоединением согласной *b*, кроме дунсянского и дагурского языков, которые отличаются отсутствием на конце слога согласного. Спецификой бурятского языка явилась редупликация в препозиции начального слога (C)V с присоединением форманта *-ра, -ла*.

Базовой единицей морфемной редупликации в монгольских языках выступает морфема(ы) слова. При изучении удвоения морфем возникает три спорных момента.

Во-первых, как правило, дублируется основная морфема слова — корень, или корневая морфема слова. В агглютинативных языках, к коим относятся и монгольские языки, редупликация характерна в границах корневой морфемы. Такое положение позволяет примеры с дублированием лексемы, состоящей из корня, отнести и к морфемной, и к лексемной редупликации, например: х.-м. *бөөн бөөн* ‘кучами, гурьбой’ (*бөөн* ‘куча, комок, пучок, копна, грудa, кипа; гурьба, орава’).

Во-вторых, поскольку этот тип сочетается с аффиксацией, то редупликации может подвергаться несколько морфем одновременно. В этом случае исходной единицей может выступать словоформа, полный повтор которой схож с лексемной редупликацией и характеризуется повтором всего слова. В примере х.-м., бур. *байн байн* ‘периодически, время от времени, немного погода; со временем, постепенно’ наблюдаем удвоенную словоформу слитного деепричастия от глагола *бай-* ‘быть, существовать’ — редупликацию двух составляющих: корневой морфемы *бай-* и аффиксальной морфемы *-н* слитного деепричастия.

В-третьих, возникает вопрос определения — редупликация (морфемная, лексемная) или синтаксический повтор. В предложениях *Боли-и боли, энэнтэй бү зууралда!* ‘Ну, перестань же, не связывайся с ним!’ и *Боли, боли, нүхэр!* ‘Перестань, перестань, друг!’ [*Бурятский корпус* — Б. Мунгонов. *Баян зүрхэн* (дата обращения: 28.11.2025)]. В первом высказывании звучит экспрессивная выразительность, усиление просьбы перестать так делать, подкрепленное при этом эмфазисом. В другом же предложении повтор содержит желание повлиять на адресата.

Приведем примеры разновидностей морфемной редупликации в различных частях речи:

– существительные: х.-м. *тал талын авъяас* ‘разносторонний талант’ (*тал* ‘сторона, место; часть, грань’); *өдөр өдрийн тэмдэглэл* ‘ежедневные заметки’ (*өдөр* ‘день’); *даавуу шаавуу* ‘мануфактура, красный товар’ (*даавуу(н)* ‘хлопчатобумажная ткань’); бур. *газар газарта* ‘в каждой местности’; *нютаг нютагай һонин* ‘новости отовсюду’; *ами аминдаа* ‘порознь, по отдельности’ и др.;

– прилагательные: х.-м. *жижиг жижиг болгох* ‘размельчить’, *жижиг жижгээр* ‘мало-помалу’ (*жижиг* ‘мелкий, маленький, измельченный; небольшой; мальй; миниатюрный; крохотный; мелко; мало, немного’); х.-м. *жаахан жуухан*, бур. *жааха жуухан* ‘немножечко, малую толику’ (х.-м., бур. *жаахан* ‘маленький; небольшой, мелкий, крохотный; немногочисленный; немного, несколько, чуть; едва, мало; недостаточно, немножечко’); х.-м. *бэлэн зэлэн* ‘готовый, приготовленный; совершенно готово’ (*бэлэн* ‘готовый, приготовленный’, *зэлэн* — *отсутствует значение*) и др.;

– числительные: х.-м. *арав арваар*, бур. *арба арбаар*, калм. *арв арвар* ‘по десять’; х.-м., бур. *хошоод хошоодоор*, калм. *хошад-хошадар* ‘попарно, по двое, по два’; бур. *гурбаад гурбаадаар* ‘по три’; калм. *нежэд-нежэдэр* ‘по одному’ и др.

– местоимения: бур. *биб* ‘это я’, *бидэбди* ‘это мы’;

– глагольные корни: х.-м. *яв явсаар явсан* ‘шел упорно, без остановок, напролом’, бур. *яба ябаһаар ябаба* (букв. ‘иди, продолжая идти’, повтор корневой морфемы, основы глагола в форме продолжительного деепричастия) (п.-мо. *yabi-*, х.-м. *яв-*, бур. *яба-* ‘ходить, идти, ехать’); х.-м. *байн байсаар*, бур. *байн байсараа* ‘постепенно, потом, затем, впоследствии, в конце концов, наконец’, *байн байтараа* ‘немного погодя, с течением времени; мало-помалу, постепенно’ (п.-мо. *bayi-*, х.-м., бур. *бай-* ‘быть’) и др. Данный вид большинство исследователей определяют как глагольную редупликацию [7; 47], однако Е. А. Дадуева считает их контактными тавтологическими сочетаниями [19, с. 29].

Помимо этого к морфемной редупликации мы относим и дублирование субморфов (бур. *агы-дагы* ‘огромный, громадный’; *унды-сунды* (лит.), *унды-һунды* (ал.) ‘разбросанно, вперемешку’, х.-м. *онго цонго* ‘ухаб, выбоина, колдобина’) и изобразительных слов (*жэн-жэн* — звукоподражание звону колокольчика ‘динь-динь’; *маяг-маяг* — о походе кривого человека).

Различные вариации морфемного типа редупликации в монгольских языках необходимо подробнее рассмотреть при изучении морфологических моделей и грамматических признаков редупликации.

Приведенная выше проблема идентификации морфемной и лексемной редупликации все же не исключает выделение лексемной редупликации, где исходной единицей является все слово. В монгольских языках для данного типа характерны полная точная редупликация и удвоение слова с дополнительным аффиксом во втором компоненте. В отличие от синтаксического повтора полная редупликация характеризуется словообразовательной способностью, что является основанием для ее отражения в лексикографических трудах. Приведем несколько примеров: х.-м., бур. *үе үе* ‘время от времени, иногда’ < *үе* ‘период, момент, эпоха, время’; бур. *хирэ хирэ* ‘иногда, изредка’ < *хирэ* ‘мера, размер, пора, время’; х.-м. *бөөн бөөн* ‘кучами, гурьбой’ < *бөөн* ‘куча, комок, пучок, копна, груды, кипа; рой; гурьба, ватага, орава; х.-м., бур. *улам улам* ‘все более и более, еще больше; все..., еще...’ < *улам* ‘еще..., все..., еще больше, все более, последовательно’; х.-м., бур. *алхам алхамаар*, калм. *алхм алхмар*, *ишкм ишкмэр* ‘шаг за шагом’ < х.-м., бур. *алхам*, калм. *алхм*, *ишкм* ‘шаг’; х.-м., бур. *гэр гэртээ*, калм. *гер гэртэн* ‘каждый у себя дома, каждый к себе домой’ < х.-м., бур. *гэр*, калм. *гер* ‘дом’ и др.

Заключение

Таким образом, анализ удвоенных слов в монгольских языках показал, что редупликация в этих языках не обнаруживает единую форму реализации и, более того, характеризуется многообразием своих форм. Число вариантов этих форм зависит от фонемного состава исходной единицы, поскольку принцип редуплицирования (удвоения) использует в качестве строительного материала для преобразования слова единицы разных уровней — от фонемы до слова. Несмотря на кажущуюся простоту механизма удвоения, детальный анализ выявляет неоднозначность классификации конкретных случаев. Вопрос о состоятельности фонемной редупликации в монгольских языках пока не стоит. Удлинение фонем, определяемое монголоведами как эмфазис, безусловно, является значимым средством выражения интенсивности и эмоциональной окраски. Слоговая редупликация, вы-

раженная в препозитивном удвоении начального слога, демонстрирует разнообразие формальных показателей превосходной степени качества, неоднородность ее проявления в монгольских языках. Дальнейшие исследования слоговой, морфемной и лексемной редупликации позволят глубже понять грамматический строй монгольских языков и, несомненно, будут способствовать уточнению классификации типов редупликации в монгольских языках.

Литература

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык: учебник для высших учебных заведений. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1958. 338 с.
2. Ахын аймагай нютаг үгэнүүдэй буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь диалектных слов Окинского района / составитель Б. Д. Балданов. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, 2020. 408 с.
3. Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 115 с.
4. Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 152 с.
5. Бертагаев Т. А. Аморфное сочетание имен (на материалах бурят-монгольского, монгольского и русского языков) // Отдельный оттиск из «Записок ГИЯЛИ». Улан-Удэ: 1941 г., III–IV. С. 13–34.
6. Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. О фузии, символизации, аналитизме, внутренней флексии, сингармонизме и многозначности аффиксов. Москва: Наука, 1969. 184 с.
7. Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 32 с.
8. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: В Университетской типографии, 1849. 400 с.
9. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 томах. Т. 2. Д–О / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 536 с.
10. Большой академический монгольско-русский: в 4 томах. Т. 4. Х–Я / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2002, 532 с.
11. Бурятско-русский словарь: в 2 томах. Т. 2. О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с.
12. Волкова А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность и эмфаза в просодии // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета: в 5 частях (15–16 апреля 2021 г.). Минск: Изд-во МГЛУ, 2021. Ч. 3. С. 57–59.
13. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва: Издательство восточной литературы, 1962. 340 с.
14. Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым. Казань: В Университетской типографии, 1847. 390 с.
15. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
16. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, составленная протоиереем А. Орловым, преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии. Казань: Правосл. миссионер. о-во, 1878. 266 с.
17. Грамматика монгольского языка, сочиненная Протоиереем Иркутской Епархии Александром Бобровниковым. Санкт-Петербург: В Типографии Святейшего Правительствующего Синода, 1835. 128 с.
18. Грамматика монгольского языка, сочиненная Я. Шмидтом. Санкт-Петербург, 1832. 184 с.

19. Дадуева Е. А. Повторы как средство выражения эмоционального воздействия в бурятских каузативных конструкциях // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 3. С. 26–32.
20. Дзэдын бурясууды атаган дзоны буряад-ород хэлэны толи = Бурятско-русский словарь атаганского рода джидинских бурят / Т. Ч. Цыренова, А. Ч. Цыгунова. Улан-Удэ: Буряад-монгол ном, 2021. 352 с.
21. Краткая грамматика монгольского книжного языка, составленная Осипом Ковалевским, Адъюнкт-Профессором монгольского языка при Императорскомъ Казанскомъ Университете. Казань: В Университетской типографии, 1835. 198 с.
22. Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики: в 6 частях. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). Москва: Восточная литература, 2004. 480 с.
23. Кузьменков Е. А. Фонологическая система современного монгольского языка. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 212 с.
24. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом С.-Петербургского университета В. Л. Котвичем. Санкт-Петербург, 1902. 204 с.
25. Митупова Н. М. Препозитивные усилители имен прилагательных в диалекте хоринских бурят // Исследования бурятских и русских говоров. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1977. С. 82–88.
26. Наделяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 114 с.
27. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1938. 268 с.
28. Поппе Н. Н. Грамматика письменно-монгольского языка. Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 196 с.
29. Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: синтаксис словосочетания. Москва: Наука, 1993. 304 с.
30. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957. 254 с.
31. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008. 234 с.
32. Рожанский Ф. И. Редупликация. Опыт типологического исследования. Москва: Знак, 2011. 256 с.
33. Руднев А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903–1904 академическому году. Санкт-Петербург: Типо-Литография Б. Авидона, 1905. Вып. 1. 96 с.
34. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. 188 с.
35. Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. Москва: Издательство восточной литературы, 1960. 104 с.
36. Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. Москва: Наука, 1964. 158 с.
37. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 196 с.
38. Тодаева Б. Х. Дагурский язык. Москва: Наука, 1986. 190 с.
39. Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. Москва: Издательство восточной литературы, 1961. 150 с.
40. Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. Москва: Издательство восточной литературы, 1960. 138 с.
41. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: очерк диалектов. Москва: Наука, 1985. 134 с.

42. Трофимова С. М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 336 с.
43. Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.
44. Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Өнөрбаян Ц. Монгольское словообразование: структура и способы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 262 с.
45. Цыдендамбаев Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. Москва: Издательство восточной литературы, 1958. С. 136–151.
46. Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.
47. Швернина З. В. Редупликация деепричастий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. К 75-летию проф. Г. Д. Санжеева. Москва: Наука. 1974. С. 332–339.
48. Bese L. Einige Bemerkungen zur partikulären Reduplikation in Mongolischen. *Acta Orientalia*. Hung. T. XI. Fasc. 1–3. 1960. P. 43–49.
49. Pelliot P. Tängrim > tärim. *T'oung Pao. Second Series*. 1944; 37(5): 165–185.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 29.11.2025; принята к публикации 20.02.2026.

BASIC UNITS IN REDUPLICATION IN MONGOLIAN LANGUAGES

Gunsema N. Chimitdorzhieva

Cand. Sci. (Philology), Lead Researcher

Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia

ch.gunsema@gmail.com

Abstract. The article examines various types of reduplication in Mongolian languages depending on the unit of the linguistics level representing the repeated segment. The main aim of the article is to consider the features of forming reduplicated forms in terms of the morphological level of the language. The scientific novelty lies in the analysis of the internal structure of reduplicated words in Mongolian languages. The study allowed the identification of segments that undergo duplication, thereby clarifying the material basis for the emergence of this type of grammatical word transformation in Mongolian languages. The following types of reduplication are considered: phonemic, syllabic, morphemic, and lexical. The results of the study have shown that the reduplication mechanism in Mongolian languages does not have a single form of realization and is characterized by a variety of options, the number of which depends on the phonemic composition of the original unit.

Keywords: Mongolian languages, reduplication, repeated segment, phoneme, emphatic length, syllable, morpheme.

For citation

Chimitdorzhieva G. N. Basic Units in Reduplication in Mongolian Languages. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2026; 1: 42–52 (in Russ).

The article was submitted 07.10.2025, approved after reviewing 29.11.2025; accepted for publication 20.02.2026.